

Н О В Ы Й Г Р А Д

под редакцией

И. Бунакова, Ф. Степуна и Г. Федотова

5

П А Р И Ж

1932

С о д е р ж а н и е :

<i>От редакції.</i> Голоса времени	3
<i>Г. Федотов.</i> Паденіе совѣтской власти	10
<i>И. Бунаков.</i> Хозяйственный строй будущей Россіи	21
<i>Н. Бердлев.</i> О смѣнѣ поколѣній и о вѣчном возвращеніи	36
<i>И. Савицкій.</i> Пятилѣтній план и хозяйственное развитіе страны	43
<i>С. Гессен.</i> О пятилѣткѣ и проблемѣ хозяйственной автаркіи	56
<i>Б. Ижболдин.</i> Новая фаза капитализма	68

И д е и и ж и з н ь

<i>И. В. Гессен.</i> Письмо редакціи	80
<i>Ф. Степун.</i> Отвѣтъ И. В. Гессену	86
<i>Мон. Марія (Скобцова).</i> К дѣлу	93

К н и г и

<i>Н. Лосскій.</i> Н. Bergson. Les deux sources de la morale et de la religion. <i>П. Бицилли.</i> В. de Jouvenel. L'écono- mie dirigée. <i>Б. Ижболдин.</i> Demant. This unemployment	99
--	----

Голоса времени

Вступая во второй год своего существования, «Новый Град» дѣлает еще один шаг к конкретности: от установленія основ христіанскаго общаго дѣла — к проекціи их на современность. Большинство статей настоящаго номера посвящены Россіи. Вмѣстѣ с тѣм мы дѣлаем опыт обзора главнѣйших событій политической и соціальной жизни міра. Мы не преслѣдуем цѣлей информации. Мы хотим лишь давать оцѣнку, вести баланс творческих и разрушительных сил, в бореніи которых рѣшается судьба нашей культуры.

*
*
*

Настоящее состояніе міра может быть охарактеризовано, как передышка: как затишье между грозами, как отсрочка, подаренная «исторіей» тѣм, в чьих руках, если не управленіе, то направленіе событій. Быть может, послѣдній шанс. И вот прежде всего мы должны подчеркнуть, что этот шанс для нас вполне реальная величина. Мы не вороны, каркающіе о гибели. Нам как нельзя болѣе чуждо злорадство пессимизма, хотя бы оно питалось славянофильски-евразійским противоположеніем Россіи Европѣ или христіанско-апокалиптическим чаяніем послѣдняго Суда. Мы хотим честно отнестись к данному «шансу», не преувеличивая его значенія. Выкинутые жизнью из родины и міра, мы добиваемся такой установки сознанія, при которой могли бы ощущать себя соучастниками и соработниками общаго дѣла. В час грозной опасности одинаково являются врагами и дезертирами общаго дѣла, как тѣ, кто этой опасности не хочет видѣть, так и тѣ, кто заранѣе объявляют борьбу безнадёжной.

Эта осень принесла нѣкоторое смягченіе экономического кризиса. Первые благоприятные показатели отмѣтила нью-іоркская биржа, которая два года тому назад дала сигнал к катастрофѣ. Уже в Германіи, гдѣ безработица всего болѣе свирѣпствовала, промышленность переживает нѣкоторое оживленіе. То же говорят о Франціи. Правда, эти симптомы еще весьма слабы. Во Франціи многіе их не замѣчают. В Англии как раз за послѣдніе дни движеніе безработных приняло бурныя формы массовых демонстрацій и уличных побоищ. Тѣм не менѣе эти симптомы реальны. Мы хотим надѣяться, что близкое будущее их оправдает, и кризис постепенно смягчится. Ужасная судьба десятков миллионов безработных, среди них прежде всего наших соотечественников, всего тяжелѣе страдающих в больших ксенофобіей странах-мачехах Европы, заставляет хвататься и за соломинку надежды. В смягченіи кризиса нѣтъ ничего невозможнаго и для того, раздѣляемаго нами, воззрѣнія, по которому мы переживаем не просто конъюнктурный кризис, не кризис роста, но кризис конца капитализма. Мы только не обольщаемся надеждой на длительность и силу этого подъема. Мы убѣждены, что, с закрытіем или ограниченіем внѣ-европейских рынков, старый капитализм не может справиться с проблемой сбыта. Переход его в новыя формы требует энергичной организациі хозяйства. Ни коммунизм, который живет мечтой о «штурмѣ» капитализма, ни социализм Второго Интернаціонала, который ведет классовую борьбу в рамках капиталистическаго строя, не приносят творческаго, «конструктивнаго» рѣшенія проблемы. Государство и хозяйственные организаторы, наиболѣе проницательные, наиболѣе отвѣтственные из людей «стараго міра», продолжают держать в своих руках средства реконструкціи. Это они ставят в современной Германіи интересный опыт «связаннаго капитализма». Реформы нерѣдко производятся людьми старых классов, консервативных традицій (англійская аристократія, Бисмарк, Александр II). Но почти всегда необходимое для них условіе — давленіе снизу, угроза революціи. Без этого давленія классовый интерес господствующим

щих слоев не имѣет стимула к самопреодоленію. Одним из величайших несчастій послѣвоенной Европы является политическая слабость пролетаріата. Несмотря на всю свою численность и возросшую обеспеченность, он отходит на задній план, уступая партіям мелкой буржуазіи и интеллигенціи, вчера совершенно ничтожным. В этом сила фашизма. Кто теперь не грозит государству революціей? Чиновники, крестьяне, студенты, національные меньшинства и націоналисты господствующих націй. Только рабочій пассивен в своем лояльном большинствѣ, — судорога коммунистической горсти не в счет. Вѣроятно, причиной этого является слабость водительства, отсутствіе настоящей соціальной программы мирнаго социализма. А за этим стоит: ложная, спекулирующая на разрушеніи, не вдохновляющая к творчеству марксистская доктрина и парламентское безволие вождей.

Пролетаріат должен имѣть знамя, под которым он мог бы бороться не за кусок хлѣба, а за переустройство общества. Тогда лишь, под давленіем твердой соціальной воли народных масс, искуснѣйшіе и дальновиднѣйшіе организаторы могли бы относительно безболѣзненно спланировать спуск с опасных высот классическаго капитализма.

✱
*

Все лѣто, послѣ безрезультатных конференцій в Лозаннѣ и Женевѣ, мір лихорадил войной. Никогда еще, со времен перемирія 1918 г., человѣчество не подходило так близко к краю пропасти. Государственные дѣятели всѣх стран, носители официальнаго оптимизма, не скрывают опасности войны, в случаѣ срыва разоруженія. В самом дѣлѣ, мы слишком хорошо знаем современную механику войны, когда, в силу технической діалектики вооруженій, пушки начинают стрѣлять сами собой.

За эти мѣсяцы наш баланс может зарегистрировать слѣдующіе минусы и плюсы. Влѣво от черты — видимая неудача весенней Лозанны, переход власти в Германіи к націоналистам и требованіе Германіей равноправія в вооруженіях. Направо — отмѣна репараций, замѣна кабинета Тардье кабинетом Эррио во

Франції, продолжаючіся переговори, признаки смягченія французской программы. Огромныя трудности заключаются в примиреніи національных точек зрѣнія: равенство в разоруженіи (требованіе европейской оппозиціи), безопасность сначала или организациа международной вооруженной силы (Франція и ея союзники), разоруженіе при невмѣшательствѣ в дѣла Европы (Америка, отчасти Англія). За этими расхожденіями в средствах стоят противорѣчія политических цѣлей. Для одних — сохраненіе status quo, для других передѣлка міровой карты и мирных договоров. Есть четыре страны в мірѣ, бряцающих оружіем, воспитывающих свою молодежь для войны: Германія во имя національнаго равноправія (пока) и отмѣны Версальскаго мира побѣдителей, Италія и Японія во имя религіи государственнаго эгоизма, СССР во имя борьбы с буржуазным міром. Трудно сомнѣваться в миролюбіи Франціи, Англіи и Америки. Их пацифизм однако скомпрометирован тѣм, что онѣ защищают плоды побѣды, т.-е. увѣковѣчивают несправедливость. По-прежнему узел войны и мира лежит во франко-германских отношеніях. Примиреніе Германіи и Франціи обезвредило бы имперіализм итальянскій и, до поры до времени, совѣтскій: СССР нуждается в мирѣ в період его индустріальной реконструкціи. Ясно, что без пересмотра Версальскаго мира франко-германское сближеніе невозможно. Но и однѣ уступки Германіи, как бы ни были онѣ широки, не обеспечивают мира. Время для них в значительной степени упущено. Націоналистическое безуміе, которым охвачены широкія массы нѣмецкаго народа, оправдывает потребность Франціи в безопасности. Лишь нѣкоторыя обязательства со стороны Англіи и Америки, одновременно с ревизіей Версаля, дают ключ к рѣшенію проблемы мира.

Разумѣется, этот политическій ключ предполагает иной, моральный. При настоящем состояніи умов обѣ политических предпосылки мира кажутся почти утопіей. Сейчас министры всѣх стран, вѣдущих переговоры, чувствуют за спиной огромное давленіе народов, отстаивающих свои національные интересы, и почти не испытывают воздѣйствія партіи мира. Но интересы непримиримы, и согласованіе их невозможно. Необходима жерт-

ва національними інтересами — то, что націоналисты всѣх стран считают національной измѣной. Моральное разоруженіе народов должно предшествовать политическому. Но оно возможно лишь на почвѣ отказа от признанія національных интересов, как высшаго критерія в политикѣ. Есть наивные люди, которые радуются единодушію французскаго общественнаго мнѣнія, поддерживающаго Эррію. Само единодушіе Франціи (Германіи, Америки) говорит о безнадежности мірового сговора. Только внутринаціональные конфликты (напримѣр, проскользнувшій слух о разногласіи Эррію и ген. Вейгана) дают нѣкоторую надежду. Меньшинства всѣх націй должны протянуть друг другу руки, прежде чѣм они станут большинством у себя дома. Это невозможно без временнаго раскола національных сил. Без раскола, без борьбы невозможен тот огромный перелом в сознаніи, который требуется дѣлом моральнаго разоруженія. Должно быть создано массовое движеніе народов против войны, и в этом движеніи христіанскія церкви должны занять первое мѣсто. В средніе вѣка Церковь не поддерживала только, но создавала движеніе «Божьяго мира». Пора на Западѣ вынуть из ризниц древнія хоругви и создавать армию «Божьяго мира».

Русская эмиграція, по понятным причинам, в массѣ своей больна гипертрофіей націоналистических настроеній. Но наша печать грѣшит и другим: поразительной легкостью рецепціи — не русских, а чужих — національных точек зрѣнія тѣх стран, в которых мы живем. Русскіе во Франціи и в Германіи говорят на разных языках. Было время, когда мы, русскіе, гордились тѣм, что являемся единственными европейцами в Европѣ. Как далеко оно ушло! А казалось бы, нансеновскій паспорт обязывает к сверхнаціональному гражданству. И не к европейскому только, а всесвѣтному, ибо Европа уже не обнимает ни Лиги Наций ни реальнаго политическаго челоувѣчества.

**
*

В центрѣ политическаго клубка событій, безспорно, стоит Германія. Ея внутренняя политика оказывается внѣшней,

т.-е. в настоящее время самой ответственной и острой, для Европы. Судьбы войны и мира рѣшаются в борьбѣ германских партій за власть. Нѣсколько мѣсяцев тому назад націонал-соціалистическая революція казалась неизбѣжной. В накаленной атмосферѣ всенароднаго безумія Гитлер шел къ власти, считая слабыя защитныя сооруженія демократіи. Демократія пала, но вмѣстѣ с нею, повидимому, начался закат и Гитлера.

Вождь потерял темп революціи и выпустил власть, которая сама давалась ему в руки. Он оказался далеко позади своих учителей в революціи: Ленина и Муссолини. Но, конечно, спайка націонализма и социализма в одном движеніи — явленіе слишком серьезное и характерное для нашего времени, чтобы распасться от гитлеровскаго провала.

Паденіе демократіи, защищавшей в Германіи дѣлю мира, принадлежит к самому крупному пассиву в нашем балансѣ. Хуже всего то, что демократія не была уничтожена насиліем, а сама себя упразднила. Не сумѣв составить парламентскаго большинства, она сдѣлала объективно невозможным парламентское управленіе Германіей. С другой стороны, располагая вооруженными силами, она позволила на своих глазах вырасти огромной революціонной арміи (с воздушным флотом!), которая не уничтожила ее только потому, что она сама себя раньше упразднила, передав власть Гинденбургу. Здѣсь обнаружилась не германская только, но общеевропейская слабость демократіи, всегда выступающая в эпохи кризисов. 1) Парламентаризм не создал формы легальной диктатуры, совершенно необходимой при отсутствіи парламентскаго большинства. 2) Демократія, как политическая психологія, слишком отяжелѣла и разоружилась — до неспособности защищать себя.

В итогѣ у власти правительство юнкеров — класса уничтоженнаго революціей, не имѣющаго никакой опоры в странѣ, т.-е. в политических организаціях. Папен держится на том, что не раз в исторіи революцій обезпечивало торжество монархіи: на расколѣ народных стихій, при котором и красные и коричневые смотрят на монархистов у власти, как на меньшее зло. Но задачи, стоящія перед Германіей так огромны, а юнкерская программа так мизерна, и по существу реакціонна, что едва ли

реставрація Гогенцоллернов на очереди дня. Крушение демократии вызывает усиление революционного крыла рабочего движения и одновременно революционного крыла фашизма. Союз коммунистов и национал-социалистов в берлинской транспортной стачке — очень серьезное предупреждение.

**
*

Россия снова на поворот своем колесе — колеса пыток, к которому она прикована 15 лет. Пятнадцатый юбилей революции совпадает с кризисом пятилетки. Она еще живет, еще продолжается в безумных темпах строительство на костях, но темпы явно падают, движение выдыхается, кривая индустриального роста уже приближается к прямой. Никто не сопротивляется, никто не борется даже за свою жизнь... Но рабочие силы падают от недождания и истощения. Дезорганизация транспорта, разстройство плана давно уже наступили. Голод свирепствует и в городе и в деревне, разоренной экспериментами раскулачивания и коллективизации. Пятилетка требовала ежегодного огромного вложения капиталов в промышленность — в промышленность нерентабельную, — и эти капиталы (в виде сырья и продовольствия) могла дать только деревня. И здесь Сталин, несомненно, просчитался. До сих пор российский «социализм» питался эксплуатацией частного-хозяйственного сектора, т.-е. главным образом единоличного крестьянского хозяйства. Уничтожая мужика и превращая его в государственно-крепостного рабочего, в угоду марксистской схеме, Сталин подрывал весь фундамент пятилетки. Сталин последний из марксистов среди учеников Ленина. Но и он марксист, т.-е. полуслпой. Расплатится ли кривой вождь слпых за свое роковое водительство? Народ умирает молча, но партия уже ропщет. Против Сталина зрют заговоры. Какие пути открываются перед Россией? Сумет ли диктатор еще раз отыгаться малым или большим нэпом или поворот руля направо выметет его из Кремля? Вопрос о его преемниках волнует сейчас всех. За личным вопросом о диктаторе встает вопрос о формах ликвидации коммунистического этапа русской революции.

Паденіе совѣтской власти

НАД КНИГОЙ С. ДМИТРІЕВСКАГО

«Совѣтскіе портреты» С. Дмитріевскаго должны составить эпоху в зарубежной политической литературѣ. Впервые раздвинулись перед нами кремлевскія стѣны, и мы увидѣли актеров русской революціонной трагедіи в их подлинный рост. Под маской героев С. Дмитріевскій показал нам дѣловитых «сановников», уже страдающих от ожиренія, но увѣренных в своих силах, способных, волевых, но живущих в мірѣ вѣдомственных дѣл, подобно министрам стараго режима. Спрашиваешь себя, да какую же роль играет марксистская догматика в работѣ этих дѣльцов, столь трезво учитывающих и обстановку и человѣческій матеріал? Порой начинает казаться, что эта роль соотвѣтствует православнои и славянофильской идеології, которая когда-то могла вполне искренне заполнять сознаніе сановников самодержавія, мало отражаясь на текущей бюрократической работѣ. Как и тогда, основное направленіе этой работы предопредѣлено исторіей. Там — охраненіе имперіи, здѣсь охраненіе ленинской революціи, которое оказывается возможным лишь на путях ея дальнѣйшаго углубленія. Читая очерки Дмитріевскаго, скорбно убѣждаешься, как сильно мы грѣшим, переоцѣнивая процесс коммунистическаго вырожденія. Будь сталинцы людьми термидора, насколько безболѣзненнѣе проходил бы спускъ революціи. К великому несчастью Россіи, она управляется не жуликами. Слово «идеалист» еще менѣе к ним подходит. Но, может быть, правильнѣе всего было бы назвать их идеологическими дѣльцами. А эта порода всего опаснѣе. Из книги Дмитріевскаго мы неожиданно узнаем, что всѣ «молодые» вожди сталинской эпохи — с довоенным партійным стажем. Пусть это самые послѣдніе призывные года старой гвардіи, но до сих пор еще бывшіе юдпольщики правят Россіей. Харак-